

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 82.091

**Ба Цзинь и Тургенев: идейный отклик
и художественные параллели****Ван Лие*Пекинский университет иностранных языков,
Китай, 100089, Пекин, р-н Хайдянь, ул. Сисаньхуань бэй, 2

Для цитирования: Ван Лие. Ба Цзинь и Тургенев: идейный отклик и художественные параллели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 1. С. 4–27. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.101>

Литературные связи Ба Цзиня и Тургенева неизменно привлекают внимание исследователей как в Китае, так и за рубежом. Статья представляет собой попытку провести новое, более глубокое исследование и анализ этих связей, а также изучить тургеневские изыскания Ба Цзиня, дать научно обоснованную критику его переводов Тургенева и выявить художественные заимствования из них. Изложены итоги деятельности Ба Цзиня — исследователя, в том числе в рамках академических тургеневских мероприятий в России, приведена его оценка социальной и художественной значимости произведений Тургенева, а также состояния современного ему тургеневедения, произведен стилистический анализ ряда отрывков из его переводов, а также их компаративный анализ с работами других переводчиков, представлен сравнительный анализ женских и мужских образов у Ба Цзиня и Тургенева в контексте национальных культур и социально-политической ситуации в Китае и России. Автор приходит к выводу, что художественные заимствования, состоящие в основном в освещении социальных антагонизмов через описание конфликта «отцов и детей» и любовные переживания героев, были обусловлены определенным сходством происхождения и социального положения обоих писателей, а также их гражданской позицией и обеспокоенностью судьбой родины. Кроме того, автор развенчивает образ «тургеневской девушки» как образец воли и непреклонности и противопоставляет им, с одной стороны, образ «тургеневского юноши», которого отличают высокие нравственные установки, с другой — образ «бацзиневской девушки», проявлявшей гораздо большую стойкость в гораздо худших

* Перевод с китайского языка Н. А. Сомкина (СПбГУ). Статья является промежуточным результатом китайского государственного научно-исследовательского проекта в области общественных наук «Исследование художественной ценности творчества И. С. Тургенева» (№ 18BWW039, исполнитель Ван Лие).

условиях. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что творческая индивидуальность Ба Цзиня не могла бы сложиться без художественного и идейного влияния Тургенева.

Ключевые слова: Ба Цзинь, Тургенев, литературные связи.

Некоторые литературные связи между классиком китайской литературы XX в. Ба Цзинем (1904–2005) и выдающимся российским писателем И. С. Тургеневым (1818–1883) скрыты, некоторые очевидны, но одно можно сказать наверняка: они определенно длительны. Ба Цзинь, родившийся в семье, где многие поколения поддерживали литературные традиции, с малых лет испытывал тягу к чтению, сражаясь с братом и сестрой за литературные журналы, такие как «Синь циннянь» («Новая молодежь»). Именно из опубликованных в нем повестей Тургенева «Ася», «Первая любовь» и «Вешние воды» Ба Цзинь получил первые представления о творчестве писателя, а к 17 или 18 годам, по его же словам, он «крепко-накрепко» запомнил имя Тургенева и был очарован этим великим русским писателем. Начав собственную творческую деятельность, в 1931 г. во время работы над романом «Семья» Ба Цзинь неоднократно вкладывал в уста героев слова о Тургеневе, его произведениях и даже цитаты его персонажей, чтобы создать образ собственных героев и раскрыть их главные идейные принципы. С 18 января 1957 г. по 7 февраля 1966 г. Ба Цзинь переписывался с советским китаеведом В. В. Петровым. В более чем сотне отправленных друг другу писем они обсуждали не только личную дружбу, но и роман «Семья» и китайскую литературу. Кроме того, Ба Цзинь часто просил купить ему книги Тургенева, которые они впоследствии обсуждали. В творчестве Ба Цзиня был период страстной увлеченности стихотворением в прозе Тургенева «Порог», и этот этап по сию пору остается актуальной темой дискуссий в литературоведческих кругах.

В 1927 г., только прибыв во Францию, Ба Цзинь узнал из книг Эммы Гольдман о стихотворении в прозе Тургенева под названием «Порог», был очень взволнован этим открытием и немедленно принялся разыскивать его. Первые поиски в английском издании были бесплодны, но в конце концов он нашел его в 1928 г. в примечании к французскому изданию «Истории российского революционного движения» (*Histoire du Mouvement Révolutionnaire en Russie*) В. Л. Бинштока. Эта находка безгранично обрадовала и взволновала Ба Цзиня, и он с «трепещущим сердцем» (по его собственным словам) немедленно взялся за перевод его на китайский язык, а затем включил в брошюру «Облик новой женщины в старой России», в котором были собраны переводы повествований о деяниях женщин-революционерок, впечатлившие Ба Цзиня. В то же время он не оставлял поисков как наилучшего перевода, так и русского оригинала «Порога». Тщательно изучил вышедший позже французский перевод, а затем английский прозаический и рифмованный, вместе с тем неустанно переделывал и улучшал текст собственного перевода, а после того как в апреле-мае 1935 г. нашел в Японии оригинал на русском языке, вновь сел за перевод уже на его основании.

Это был первый опыт Ба Цзиня по переводу произведений Тургенева с русского на китайский язык. Поскольку это стихотворение в прозе потрясло его вдвойне, и с идеологической, и с художественной точек зрения, Ба Цзинь назвал свой сборник переводов «На пороге» и взял в качестве предисловия «Порог». Этот неболь-

шой эпизод демонстрирует искреннюю любовь Ба Цзиня к Тургеневу, в то же время очевидно влияние героини «Порога» на формирование характера персонажей его собственных будущих произведений. «Пороговые» перипетии засвидетельствовали тот самый момент, когда Ба Цзинь связал литературными узами свою жизнь с русским писателем.

Важной вехой в изучении творчества Тургенева стало для Ба Цзиня активное участие в тургеневской научной сессии 8 октября 1955 г. в Орле. Будучи единственным китайским участником, Ба Цзинь представил собравшимся письменный доклад под названием «Великое влияние», речь в котором шла главным образом о влиянии творчества Тургенева на китайское общество и литературу. Таким образом, Ба Цзинь стал первым китайским исследователем, рассказавшим русским коллегам о китайском тургеневедении, и первым китайским ученым, принявшим участие в тургеневской сессии. К сожалению, ввиду чрезмерной занятости на родине Ба Цзинь не смог лично принять участие в конференции и поручил зачитать свой доклад студенту ЛГУ Юй Шаою. Доклад Ба Цзиня вызвал большой академический резонанс, привлек пристальное внимание в российских тургеневедческих кругах, а сам Ба Цзинь заслужил глубокое уважение как литературовед. Орловская газета «Правда» (№ 202, октябрь 1955 г.) посвятила этой сессии целую полосу и опубликовала в том числе и главные тезисы доклада Ба Цзиня. Оргкомитет сессии направил Ба Цзиню письмо, в котором выразил благодарность за участие в мероприятии, а также запросил разрешение включить полный текст его доклада в сборник материалов ежегодной сессии. Ба Цзинь быстро ответил:

Дорогие товарищи:

22 ноября я получил ваше письмо и имел честь ознакомиться с его содержанием. Благодарю вас за доброе участие. Я вполне согласен, чтобы моя статья была напечатана в сборнике музея. Если бы Вам было интересно, в дальнейшем я могу отправлять Вам все материалы китайских тургеневских исследований. Спасибо вам за присланную книгу «Записки охотника».

Примите мое глубочайшее почтение.

С приветом и уважением,

Ба Цзинь

06.11.55

Орловчане высоко оценили короткий ответ Ба Цзиня: фотооттиск его письма был опубликован в книге «“Записки охотника” И. С. Тургенева (1852–1952)». Сборник статей и само сообщение были немедленно взяты на сохранение Государственным литературным музеем И. С. Тургенева. В 1994 г. главный хранитель фондов А. И. Понитовский передал это письмо в библиотеку музея-заповедника Тургенева «Спасское-Лутовиново», и оно по сей день хранится в его рукописном фонде под номером 2577.

Полный текст доклада Ба Цзиня под заголовком «Творчество Тургенева в Китае» был опубликован в сборнике «И. С. Тургенев (1818–1883–1958): статьи и материалы», изданном в 1960 г. Орловским книжным издательством. Доклад Ба Цзиня стал для российских исследователей источником сведений о переводах Тургенева в Китае и подтвердил, что его творчество снискало славу и огромную любовь китайского читателя. Изучая вопрос, Ба Цзинь заметил: «Причиной тому было его

敬爱的同志：

十一月二十二日来信收到，非常感谢。

请您一定要把此信发表在博物馆网站上发表。

我完全同意 (я вполне согласен, разве моя статья была опубликована в сборнике музея) 倘使您需要，我可以把与屠格涅夫有关的中国方面的材料供您参考。谢谢您在 1955 年 10 月 22 日关于 Записки Охотника 的书。

请接受我的敬意。

此致

敬礼

巴金

Ба Цзиня 6.11.55

Рис. Письмо Ба Цзиня оргкомитету Тургеневской научной сессии 8 октября 1955 г. в Орле. Архив Государственного мемориального и природного музея-заповедника И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново»

тщательное и скрупулезное отношение к творчеству, его великий и богатый язык, его несравненное писательское мастерство, мелодичность, которую таит в себе его литературный дар, и в особенности его горячая любовь к родине и стремление к правде» [1, с. 388]. Ба Цзинь разглядел в произведениях Тургенева уникальную для всей русской литературы «жизненность», актуальность и идейную наполненность произведений. По его мнению, «китайский читатель горячо любит Тургенева, потому что так же, как и у прочих русских реалистов XIX века, в его произведениях они нашли множество знакомых героев. Тургенев тонко понимал и красочно описывал жизнь интеллигентов своей эпохи, в старом Китае также можно найти своих Рудиных, Лаврецких, Аркадиев, Неждановых. Высокая способность Тургенева к обобщению и его талант к описанию часто повергают читателя в восторг» [1].

О связи собственного творчества с произведениями Тургенева Ба Цзинь высказался лаконично и предельно честно: «Все эти годы я безоглядно любил Тургенева и, сам не отдавая себе отчета, находился под его влиянием». Это влияние выразилось в психологизме, описаниях природы, а также в связанных с ними речевых оборотах и нарративном искусстве. Очарование Тургенева Ба Цзинь видел в том, что он «превзошел в искусстве описания глубоких и сложных чувств чрезвычайно простым и емким слогом, с искренней любовью описывает красоту природы своей родины, но никогда не прибегает к лишним словам и не расплывается на детали. Ему прекрасно удается лаконичными штрихами изобразить пейзаж, необходимый для его задумки. Этот пейзаж гармонирует с потаенными чувствами людей, а иногда и контрастирует с ними. Тургенев — выдающийся мастер коротких рассказов, его повествование естественно, лаконично и трогательно» [1]. Ба Цзинь понимал Тургенева как писателя писателя, а потому сумел кратко и точно изложить, в чем состоит красота его творчества, а также самые ценные художественные принципы. В данном случае Ба Цзинь понимал Тургенева с точки зрения «духа», «идеи», чем намного превзошел будущего Ба Цзиня — оратора и мыслителя. Понимание с таких позиций было гораздо более реальным, естественным и убедительным, чем определение Тургенева на основе рационального подхода или анализа отрывков его произведений. В конце своего доклада Ба Цзинь с удовлетворением сообщил русским коллегам, что в Китае есть целая плеяда известных писателей, его современников, которые также находились под влиянием творчества Тургенева. Именно после прочтения его произведений целое поколение китайских писателей научилось описывать типичные образы в собственных сочинениях.

Сборник «И. С. Тургенев (1818–1883–1958): статьи и материалы» был составлен советским литературоведом академиком М. П. Алексеевым. Эта книга разделена на три части: первая часть «Материалы к биографии и истории творчества И. С. Тургенева», вторая часть «Тургенев и национальные литературы Запада и Востока», третья часть «Тургенев и Орловский край». Во второй части собраны статьи представителей США, Китая, Нидерландов, Югославии, Польши, Венгрии, Болгарии, Северной Кореи и т. д. Удивительно не только то, что статья Ба Цзиня значится первой, но и то, что главный редактор М. П. Алексеев лично написал к ней длинное редакторское примечание, а также оставил ремарки в конце статьи.

В примечании Алексеев подробно рассказал о жизни и творчестве Ба Цзиня, его литературном статусе и творчестве в разные периоды, отметив его известность на родине и за рубежом, а также назвав одним из величайших китайских романистов и старым другом советского народа, вместе с тем он признал, что широкую литературную известность Ба Цзинь заслужил произведениями, поставившими его в один ряд с выдающимися мастерами китайской литературы: романами «Семья», «Весна», «Осень» (трилогия «Стремительное течение»). С точки зрения Алексеева, если говорить о социальной значимости и художественных качествах, эта трилогия занимает высокое место не только в творчестве самого Ба Цзиня, но и на китайском литературном олимпе в целом. В ранних произведениях Ба Цзинь с горячей любовью описывал жизнь тогдашней китайской молодежи, но в трилогии «Стремительное течение» описана уже целая панорама общества, история, случившаяся в китайской семье, скованной цепями старого уклада, краеугольный камень феодального воспитания и этикета в которой с грохотом рухнул, сметенный рево-

люционным потоком. Критики не скупилась на сравнения и параллели, отмечая, что роман «Семья» Ба Цзиня содержит скрытые связи с творчеством Тургенева: «В романе описана настоящая борьба “Отцов и детей”, рассказана история о том, как накануне революции младшее и среднее поколения приверженной старым традициям семьи Гао ступили на революционный путь».

В «Предисловии редактора» российскому читателю рассказано о горячей любви Ба Цзиня к русской литературе, в особенности к произведениям Тургенева, о его превосходных переводах, русских изданиях произведений Ба Цзиня и о том, как приняли их читатели. Кроме того, в предисловии несколько раз приведена точка зрения исследователя творчества Ба Цзиня В.В.Петрова, заметившего, что формирование творческого стиля Ба Цзиня «извлекло лучшее из классической литературы не только Китая, но и России, а самое главное — лучшее из творчества Тургенева». Вместе с тем, называя Ба Цзиня выдающимся переводчиком Тургенева, Алексеев привел слова Петрова: «Ба Цзинь испытывает неослабевающий интерес к героям Тургенева, раскрывая ту роль, которую эти персонажи сыграли в пробуждении духовного мира китайской молодежи», точно так же, как его собственный роман «Семья» представляет собой выдающийся пример в этом отношении. В романе описан «образ первого мятежника семьи Гао», образ первого прозревшего молодого человека, «осознавшего внутреннюю гниль и грядущий крах идущей к распаду патриархальной семьи», который энергично рвался на свободу, «тесно связав собственную судьбу с революционной борьбой за будущее счастье, всеми силами прокладывая для себя и братьев еще не изведанный путь, ведущий к справедливости и свободе». На примере Цзюэхуэя, героя романа «Семья», глубоко увлеченного Тургеневым и Достоевским, Алексеев делает вывод о том, что именно произведения этих великих русских писателей помогли ему определить собственный жизненный путь. Критик выделяет двенадцатую главу «Семьи»: сцену, где Цзюэхуэй, держа в руках книгу Тургенева, громко читает: «Любовь — это великое дело», — и отмечает, что именно эта страница романа Тургенева «дала Цзюэхуэю новые силы и веру в борьбу человека за свои права».

Алексеев привел слова Петрова для иллюстрации того, как главные герои Ба Цзиня борются за идеалы и часто созвучны главным героям произведений Тургенева, и процитировал отрывок из эпилога к переведенному Ба Цзинем роману «Новь», изданному в 1950 г. в Шанхае: «...шедевр — это в конце концов шедевр, и даже мой неуклюжий перевод не скроет сияния, исходящего из-под пера Тургенева», — и подчеркнул, что эти слова можно в полной мере применить и для понимания всей специфики того, как Ба Цзинь заимствовал и усваивал достижения столь любимого им Тургенева.

В конце примечания редактора Алексеев еще раз подчеркнул академическое значение статьи Ба Цзиня и призвал российских тургеноведов изучить этот доклад, что в конечном счете можно посчитать за искреннее признание автора.

Что касается последней фразы в докладе Ба Цзиня о том, что в настоящее время в Китае только начато изучение творчества Тургенева, а также о множестве трудностей, с которыми столкнулись китайские тургеноведы, о чем было упомянуто в сопутствующей записке от Союза китайских писателей, Алексеев высказал собственную точку зрения: он подтвердил, что со времени образования КНР среди китайских переводчиков, писателей и критиков создана благоприятная тенденция

в тургеневедении, высоко оценил заслуги Лу Синя, Го Можо и Мао Дуня в изучении Тургенева, и с радостью сообщил читателям, что Ба Цзинь — первый исследователь, рассказавший китайским читателям о Тургеневе. Исследования китайских тургеневедов наряду с Ба Цзинем осветила только Т. А. Малиновская в своей статье «“Записки охотника” в Китае».

Как уже было упомянуто, Ба Цзинь начал переводы произведений Тургенева с его стихотворений в прозе: сперва «Порог», вслед за ним «Русский язык», а затем интерес Ба Цзиня к стихотворениям в прозе Тургенева стал неудержим. Он решил перевести их все, но в силу чрезмерной занятости не смог реализовать эти планы и перевел только чуть больше десяти, а затем вынужден был прерваться на долгое время. Если любовь Ба Цзиня к «Порогу» была обусловлена его восхищением бесстрашием и непоколебимостью революционерок, то во время перевода «Русского языка» он проникся тоской Тургенева по родным местам, его любовью к родине. Это обусловило тот факт, что Ба Цзинь неустанно шел по духовным следам Тургенева. Ба Цзинь вспоминал: «В 1935 году, находясь в Токио, я ужасно тосковал о родине, и когда от душевной муки не мог найти себе места, переводил стихотворение в прозе Тургенева “Русский язык”. Он говорил о русском языке, а я думал о китайском, о последней строфе этого стихотворения: “Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!” Когда я писал “Пламя”, то часто повторял эти строки, я думал, что тогда они были для меня единственной поддержкой и опорой. Все время думаю о великом и прекрасном народе» [2, с. 56]. В главе из книги «Астра», в изданной впоследствии статье «Свободный и радостный смех», Ба Цзинь вспоминал времена, когда «Русский язык» был для него «поддержкой и опорой»: «Я сел переводить стихи в прозе Тургенева и этим ободрял, успокаивал себя. Я думал о собственном языке, мое мужество воспряло, вера окрепла. Я тоже хочу сказать “Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора”. Я тоже хочу сказать: “Не будь тебя, как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу”» [3, с. 277–288].

В этих воспоминаниях можно выделить три темы для исследования: «Русский писатель Тургенев — китайский писатель Ба Цзинь», «Франция и Россия — Токио и Китай», «Русский язык — китайский язык». Оба писателя оказались за границей, но сердце их стремилось к родине, их мысли о судьбах страны и народа, их патриотические чувства в равной мере раскрываются перед глазами читателя, именно это и проложило мост между двумя литературными корифеями, показало, что и Ба Цзинь, и Тургенев были едины в своей любви к родине, а потому идейный и художественный курс двух великих писателей в большей или меньшей степени совпадал. Если говорить, что тоска по родине Юй Дафу носила характер ожидания чего-то большего, досады, что железо не становится сталью, то концепция Ба Цзиня была подобна тургеньевской: она была полна непоколебимой уверенности в возрождении великого народа, тревоги о судьбе родины и надежды на то, что Китай в скором времени станет могущественной державой. К сожалению, эта любовь Ба Цзиня довольно редко попадает в сферу исследования китайских и запад-

ных ученых. В настоящее время существует только работа А. Н. Желоховцева «Ба Цзинь — писатель-патриот», но в ней нет реальных примеров из жизни Ба Цзиня и не приводится теории, которая обосновала бы его патриотизм. В этой статье, посвященной его патриотической идеологии и, возможно, горячей любви к родине, достаточно написано об увлеченности Ба Цзиня анархизмом, исчерпывающе описана его европеизация, однако ни слова не сказано о его любви к родине, так что того патриотизма, о котором должен был написать критик, в работе не видно. Ее автор все время ходит вокруг да около, но так и не касается главной темы, оставляя читателя в замешательстве и фрустрации.

Ба Цзинь гордился тем, что перевел больше всех произведений Тургенева. Причиной тому был факт, что «переводчику нравятся шедевры Тургенева, и он уже некогда посвящал им определенное время...» [4, с. 375]. Ба Цзинь перевел два романа («Отцы и дети» и «Новь»), а также три зарубежные повести, включая вышедшие из-под пера Тургенева «Муму» и «Пунин и Бабурин», 58 стихотворений в прозе, из них 51 — Тургенева, а кроме того, «Воспоминания о Тургеневе» известного русского ученого И. П. Павлова. Работа над переводом была сложной, но, несмотря на национальную катастрофу и собственные личные невзгоды, Ба Цзинь не оставлял планов и не забывал переводить произведения Тургенева. За десять лет смуты «культурной революции» Ба Цзиня полностью лишили права на творчество, подвергли публичной критике и унижениям, конфисковали его имущество, разжаловали и отправили трудиться в «школу для кадровых работников», он пережил смерть супруги, Сяо Шань, от болезни, но, успокаивая израненную душу идеями народничества из переведенных произведений Тургенева, мужественно пережил этот тяжелый период. В июле 1973 г. Ба Цзинь получил известие о том, что классовые противоречия, сделавшие его врагом народа, улажены, более на нем нет ярлыка, и немедленно приступил к правке перевода народнического исторического романа «Новь» и к переводу мемуаров Герцена «Былое и думы». Обе работы шли одновременно: в представлении Ба Цзиня Тургенев и Герцен были тесно связаны друг с другом. Объясняя собственный эмоциональный и духовный отклик, Ба Цзинь приводил оценку мемуаров Герцена Тургеневым: «Написано слезами, кровью: это горит и жжет».

Называя Ба Цзиня выдающимся переводчиком русской литературы, российские исследователи обращают основное внимание лишь на охват и количество переводов, а также на влияние, которое русская литература и ее переводы оказали на творчество Ба Цзиня, однако при всей незаурядности переводов Ба Цзиня, кроме Алексеева, который отметил эту черту в «Послесловии редактора», этого вопроса не касался более никто. Именно в этом состоит слабость российских синологов, а также именно из-за этого наблюдается нехватка исследований переводов Ба Цзиня в России. Столкнувшись с подобным, автор полагает, что существует необходимость прибегнуть к китайским исследованиям качества переводов Ба Цзиня, чтобы вдохновить и восполнить российские.

За последнее время изучение переводов Ба Цзиня в Китае достигло высокого уровня. По словам китайского ученого Чжоу Лиминю, литературные переводы Ба Цзиня уже вошли в две важные книги по истории переводов в китайской литературе в качестве либо отдельной главы [5], либо отдельного раздела [6], и акцент сделан именно на его русских переводах. Чжоу Лиминь написал диссертацию на

тему переводов Ба Цзиня «Другой угол интерпретации идейного мира Ба Цзиня: взгляд на развитие мысли с точки зрения переводов»¹. Исключительно ценно то, что на примере этой книги была написана статья исследователя Ван Гуйю «Начальное исследование литературных переводов Ба Цзиня», посвященная бацзиневским переводам Тургенева [7, с. 248–265]. В ней ученый изложил собственную позицию в оценке стилистики перевода романа Тургенева «Отцы и дети», уникальность которой он видел в искренности и понятности. Например, проведя сравнительный анализ перевода Тургенева и Ши Чжэньчуаня, Ван Гуйю пришел к выводу, что оба перевода в равной степени «гладки и понятны», однако при ближайшем рассмотрении становятся очевидны стилистические различия: перевод Ши Чжэньчуаня содержателен, но лаконичен, его перо достигло зрелого мастерства, стиль Ба Цзиня, напротив, легкий и изящный, звенящий чистой нарративной мелодией, придавшей роману простую, прозрачную красоту. Ван Гуйю образно сравнил переводы с двумя женщинами: «женщина» Ши Чжэньчуаня зрелая, с округлыми формами и стройным телом, «женщина» Ба Цзиня прекрасна естественной красотой, без макияжа, соблазнительная и привлекательная.

Ван Гуйю приводит отрывок из четвертой главы романа «Отцы и дети», когда Аркадий (у Ба Цзиня его имя переведено как 阿尔卡狄 Аэркади, у Ши Чжэньчуаня 阿尔卡季 Аэркацзи) приводит в пример Базарову собственного отца. В оригинале: «Отец у меня золотой». Ба Цзинь перевел так: “我父亲是一个很难得的好人” («Мой отец на редкость хороший человек»), а Ши Чжэньчуань: “我父亲可是个金不换” («Мой отец же дороже золота»). Этот пример делает различие предельно очевидным. Если судить с точки зрения формы, то у Ба Цзиня она полностью соответствует Тургеневу и изложена простым стилем повествования. Перевод Ши Чжэньчуаня, в силу его зрелости и писательского опыта, теряет в точности, кажется неполным, а потому утрачивает тургеневскую ровную и изящную сущность. Если смотреть на «дух» произведения, то и в этом случае Ба Цзинь весьма удачно воплотил искренний и простой характер Аркадия, а Ши Чжэньчунь в своем переводе спрятал изначально присущую персонажу ранимость, чистоту, доброту и пылкость, оставляя читателю ощущение, что этот юноша просто немного рисуется, бахвалится, лукавит и немного нигилист, возможно, даже насмехается над отцом, а это расходится с оригинальным текстом. Ван Гуйю не считал себя мастером пера и, признавая емкость, лаконичность, дословную четкость и понятность перевода Ши Чжэньчуаня, надеялся, что специалисты смогут вынести свою оценку. Для этого он указывал каждую страницу, где заинтересованный читатель мог бы провести сравнение.

В приведенном Ван Гуйю примере перевода есть как минимум три момента, о которых стоит задуматься. Во-первых, имя героя. По мнению автора настоящей статьи, 阿尔卡狄 (Аэркади) у Ба Цзиня по написанию и звучанию ближе к оригиналу. Во-вторых, передача смысла прилагательного «золотой». Мы полагаем, что Ба Цзинь в этом отношении превзошел Ши Чжэньчуаня. Это слово означает «драгоценный, редкий», и Ба Цзинь перевел его именно так: 一个很难得的好人 («на редкость хороший человек»), сумев вместить в перевод оба пласта значения слова, когда форма неотделима от духа. В сравнении с его переводом перевод Ши Чжэньчуаня проигрывает. В-третьих, модальное служебное слово 可是 («однако») в пере-

¹ Эта статья вошла в сборник «Другой Ба Цзинь» (изд-во «Дасян», 2002).

воде кажется необоснованным, и потому еще больше отдаляет героя переведенного романа от оригинального персонажа. Перевод Ба Цзиня, конечно же, больше соответствует оригиналу, он точен и лаконичен с точки зрения не только формы, но и смысла, поскольку Ба Цзинь смог подчеркнуть искренность и простоту Аркадия, его любовь к отцу.

Если задуматься о причинах такого различия, следует упомянуть, что Ши Чжэньчуань — признанный мастер пера, а потому неумышленно вставлял в перевод любившиеся ему стилистические приемы в соответствии с собственными же языковыми привычками, незаметно разделяя перевод и оригинал тонкой завесой дымки своего литературного стиля. В результате истинного облика оригинала совсем не видно, и чистая, естественная красота тургеневского текста поблекла. Что до азов русского языка, то Ба Цзинь не мог сравниться с Ши Чжэньчуанем, поскольку переводил Тургенева главным образом с английских переводов Констанс Гарнетт. Поэтому можно сказать, что успех бацзиневских переводов в определенной степени определялся успехом перевода Гарнетт: благодаря ее «изыщному, строгому и спокойному языку, ее четкому подбору слов», благодаря тому, что стиль ее «при внешней простоте монументален, основателен и исполнен возвышенного, отстраненного достоинства», благодаря тому, что «стиль ее письма крайне подходил для перевода Тургенева» [7, с. 256].

Но и ошибки в переводе Ба Цзиня часто происходили из ошибок Гарнетт. Ван Гуйю, как и прежде, приводит в пример четвертую главу «Отцов и детей», где описан Павел Петрович. Ши Чжэньчуань переводит: 人过三十, 这种风度和气派便大半消失的了 («Ему было за тридцать, весь его облик, изысканный и породистый, по большей части исчез»), а Ба Цзинь: 二十岁 («Двадцать лет»). В данном случае грубая ошибка произошла от недостаточного знания Ба Цзинем русского языка, оттого что он слепо доверился английскому переводу и передал смысл по принципу «испорченного телефона». В случае с повестью «Муму» ошибочное понимание произошло именно из-за недостаточного знания Ба Цзинем русского языка. Несмотря на то что он переводил, сравнивая русский и английский тексты, такого рода погрешности все же были неизбежны, и ошибки в первом переводе влекли за собой ошибки во втором. Фразу «Ну да. По-моему, лучше бы тебя хорошенько в руки взять» Ба Цзинь перевел как 嗯, 好的, 照我看还是揍你一顿好些 («Мм, ладно, по мне так поколотить бы тебя хорошенько») [8, с. 10]. Ба Цзинь не понял устойчивого выражения «взять (кого-то) в руки» и посчитал, что имеется в виду «нужно держать тебя под рукой», а потому наверняка означает бить. Кроме того, выступающее обстоятельством образа действия наречие «хорошенько» также было употреблено неверно. Перевод Фэн Цзя точнее передает идею: 嗯, 好的, 照我看, 最好对你严加管教 («Мм, ладно, лучше бы проучить тебя построже») [9, с. 108].

Как видим, перевод — это противоречивое искусство: совершенных, идеальных переводов не бывает. По словам Ван Гуйю, пары маленьких примеров недостаточно, чтобы в полной мере продемонстрировать качество перевода Ба Цзиня. Необходимо глубоко изучать стиль его переводов Тургенева в целом. Нужно увидеть саму ценность того, как Ба Цзинь при помощи простых и незатейливых слов и оборотов передал простой и естественный стиль Тургенева, «с одной стороны, ритм повествования, мелодика языка, ритмичная образность, насыщенность и эмоциональность слога крайне сходны с английским переводом Гарнетт

и в целом совпадают с вышеупомянутым стилем Тургенева. Допустим даже, что у Ба Цзиня и наблюдались несоответствия стилю Тургенева — ответственность за это лежит на Гарнетт» [7, с. 259]. Вместе с тем необходимо добавить, что формирование индивидуальности перевода Ба Цзиня и его творческий успех никак нельзя отнести только на счет Гарнетт. Ван Гуйю отмечает, что, когда Ба Цзинь переводил роман «Отцы и дети», он уже опирался на русский оригинал и его перевод с русского по стилистике был весьма близок к английскому переводу Гарнетт — столь же ясный и прекрасный, спокойный и содержательный, при этом перевод Ба Цзиня выигрывает тем, что в нем еще более живо подмечена душевная тонкость, чистота и любознательность Аркадия.

То, что Ба Цзинь — успешный переводчик Тургенева, сомнений не вызывает, его достижения в переводе произведений Тургенева очевидны, они пользуются большой любовью широкого круга читателей, особенно у молодежи. Его переводы часто поражают единством формы и духа, это не может не побуждать к размышлениям. По нашему мнению, успех Ба Цзиня определяется, с одной стороны, его горячей любовью к творчеству Тургенева, а с другой — его корректной манерой перевода и верной переводческой мотивацией. С точки зрения Ба Цзиня, перевод был не только необходимостью в процессе изучения языка, но и, что гораздо важнее, диалогом мыслителей, поиском пути, позволял учиться на литературе, «высказать слова, лежавшие на сердце», излить лаву собственных эмоций. Третьей причиной стало высокое мастерство, с которым выполнен перевод, что, в свою очередь, было обусловлено двумя факторами: с одной стороны, перевод объединил искусство автора и искусство переводчика, с другой — был написан превосходным языком. Как заметил исследователь Гао Ман², «у Ба Цзиня были свои взгляды на перевод: его текст должен быть точным, при всей литературности экспрессивным, выражая изящество оригинала, и ни в коем случае не должен косно придерживаться слов и предложений» [10]. Успеху переводов Ба Цзиня способствовал еще один фактор — удачный выбор объекта перевода. Это особенно важно для успешного союза писателя и переводчика.

Литературные произведения в переводе Ба Цзиня можно оценить сразу по нескольким параметрам. По словам Гао Мана, «переведенные им произведения были созвучны его собственным идеям» [11]. Объяснение Ба Цзиня было еще более кратким и точным: «Я всего лишь рассказываю о текстах, которые мне понравились». Сперва он выбирал писателя, который нравился ему самому, отбирал произведения, соответствующие его собственному эстетическому вкусу, и только тогда погружался в перевод. В то же время стоило ему выбрать писателя и произведение, это «пристрастие» становилось мощной креативной силой, и между оригинальным произведением и переводом Ба Цзиня вспыхивало пламя жизни. Только искренняя любовь Ба Цзиня к Тургеневу и еще большая любовь к его творчеству приносили в переводы настоящее чувство, раскрывали настоящую жизнь, именно поэтому стало возможным преодолеть языковой барьер, только так можно было не беспокоиться о том, что чувство невозможно будет выразить словами. К тому же писатель и переводчик были схожи и вкусами, и характерами, эстетический опыт обоих

² Гао Ман (1926–2017) — китайский переводчик, писатель, ученый, художник, кавалер российского ордена Дружбы. — *Прим. пер.*

естественно накладывался на энтузиазм переводчика, и таким образом часто достигалось своего рода бессознательное, но совершенное художественное единство.

Выбор темы всегда был обусловлен индивидуальностью самого Ба Цзиня и зависел от формирования его личности и идейных концепций. В ранний период его интересовали стремление к личной свободе, вырвавшийся из мрачных карцеров анархизм, он любил литературу о народниках. В отборе произведений для перевода он руководствовался не статусом автора оригинала, а собственным художественным опытом и эстетикой. Он не выбрал ни Достоевского, стоящего на литературном пьедестале выше Тургенева, ни писателя-философа Толстого, даже не попытался подступить к простому и безыскусному Чехову. Он руководствовался принципом не брать то, что ему не нравится, то, что не соответствует его вкусу, не переводить то, отчего не трепещет сердце. Лишь потому что произведения Тургенева были добры и изящны, стройны и естественны, потому что простота и изящество вызвали в Ба Цзине художественный и идейный отклик, он мог вжиться в роль автора, в образы оригинала, войти в роль читателя перевода, легко и живо передавая художественную стилистику Тургенева, создавая перевод непревзойденного уровня, «неотделимый» по форме и духу от оригинала.

Бацзиневские переводы Тургенева доказывают одно: в переводе первым условием среди равных является выбор. Подходящий для Тургенева переводчик неизбежно хорошо переведет Достоевского. Вместе с тем рациональный, бесстрашный педант не сможет достоверно передать художественный смысл тургеньевских произведений. В то же время даже в рациональном человеке книги Тургенева пробуждали поэтический дух. Пусть даже спокойный и рассудительный Мережковский прочитает Тургенева — и он превратится в поэта, на которого нахлынет то пылкая страсть, то мечтательная нежность. Поэтому можно сказать, что не стоит бесстрастно переводить и даже исследовать Тургенева, не стоит бездушно сверять данные, не нужно необоснованно возносить его на академическую высоту, и уж тем более не нужно навязывать ему академические цели. Нужно с особой деликатностью уважать первоначальный замысел автора. Как отмечала российская исследовательница Г. Б. Курляндская, произведения Тургенева не вынесут расчленения хладнокровным исследователем, их непременно нужно выдать читателю авансом, чтобы он смог прочувствовать, ощутить послевкусие, творить, восполнять, завершать, а что касается смыслового пласта, то переводчик должен стать первым читателем автора, должен закалить художественную истину в пламени чувства и тем самым завоевать читателя.

Теодор Севори в работе «Искусство перевода» приводит качества хорошего переводчика: «сочувствие, восприятие, прилежание и ответственность» (цит. по: [7, с. 263]). Одним из факторов успеха переводов Ба Цзиня было то, что переводчиком выступал писатель, использовавший для перевода свое прирожденное художественное чутье, превосходное литературное мастерство и эстетический вкус, однако конечным залогом успеха Ба Цзиня — переводчика стало благородное чувство ответственности перед своей эпохой. Использовать зарубежье в интересах Китая, внедрять шедевры мировой литературы, позволить им служить литературе отечественной, обогатить и стимулировать здоровое развитие китайской литературы — все это Ба Цзинь определял как свою миссию. Окинув взором всю жизнь Ба Цзиня — переводчика, мы увидим, что, с одной стороны, она не была счастли-

вой: политические бури и жизненные перипетии отняли у него драгоценное время. С другой — все-таки она была счастливой, ведь в обществе все же сложились условия для того, чтобы он мог спокойно творить и отдавать всю душу прекрасному, он мог не думать о социальных волнениях, не метаться в поисках работы и не хвататься за любой труд, чтобы достичь славы, жалования и успеха. Пусть и хлебнув горя, он смог обрести стабильное положение и уйти с головой в нелегкую творческую борьбу, неустанно совершенствовал мастерство, до глубокой старости, не боясь лишений, трудился над возведением моста международного общения. В тех обстоятельствах это было по-настоящему ценно и достойно уважения.

Ба Цзинь неоднократно заявлял, что занимается переводами ради образования, ради того, чтобы научиться у великих мастеров гуманизму, патриотическим идеям, антифеодальному боевому духу, научиться сопереживать униженным и оскорбленным, чтобы бороться за свободу и счастье, и главное, как писателю, научиться «превращать чувства в письмена».

И Ба Цзинь, и Тургенев происходили из аристократических семей. В схожей семейной атмосфере, из сходных надежд и опыта стремления к свободе вылилось их одинаковое недовольство существующей социальной обстановкой и режимом, недовольство, воплотившееся в «Аннибаловой клятве», отраженное в текстах и чувствах писателей обеих стран. «Что есть мой враг? — вопрошал Ба Цзинь. — Все старые традиционные концепции, всякие устройства, искусственно созданные самими людьми, которые задерживают эволюцию общества и развитие человечности, — все они мои самые большие враги. Я всегда остаюсь в своем лагере и ни на минуту не смирюсь с ними» [12]. Тургенев, в свою очередь, говорил: «Враг мой — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться» [13, с. 34]. Именно в силу того, что они «видели бесчинства помещиков и страдания крепостных» [14, с. 364], оба писателя, четко определившись в своих симпатиях и антипатиях, описывали правящих и управляемых, острое противостояние и конфликт между угнетателями и угнетенными времен феодализма (у Ба Цзиня) и крепостного права (у Тургенева), оба едины в сочувствии униженным и ущемленным трудящимся (крепостной Герасим из повести Тургенева «Муму» и служанка Минфэн из романа Ба Цзиня «Семья») и в отвращении и даже ненависти к эксплуататорам (в лице барыни из «Муму» и старого хозяина Гао, «поколения отцов» в «Семье»).

Оба писателя в равной степени стремились к свободе и демократии. Тургенев часто прибегал к антагонизму — конфликту и борьбе двух поколений, столкновению рядовых демократов и аристократических либералов. Если говорить, что вся идеология Тургенева сконцентрировалась и воплотилась в романе «Отцы и дети», то симпатии и антипатии Ба Цзиня отражены в «отцах», феодальных моралистах, и «детях», радикальных демократических идеалистах, в романе «Семья» о несовместимости старого и нового поколений. Оба произведения имели высокое социальное значение. По словам В. В. Петрова, Ба Цзинь «на примере жизни маленькой семьи отразил противоречия в развитии общества, главным образом конфликт между новыми движущими силами, призывающими Китай к прогрессу, и изжившими

себя старыми силами, тянущими Китай к регрессу» [15, с. 6], а Тургенев «продумывал образы главных героев, в которых типизируются и художественно обобщаются все стремительно сменяющиеся этапы культурного и социального развития России» [4, с. 477–478], описал «два поколения, появившихся на новом этапе российской истории, противоречие и конфликт между аристократами-интеллигентами, чья историческая роль завершилась, и появившимися новыми людьми (рядовой интеллигенцией)» [16].

В 1978 г. Ба Цзинь написал предисловие к новому изданию своего перевода, в котором отметил: «...появившийся сто лет назад новый человек Базаров уже давно обратился в прах, однако война между двумя поколениями в романе по-прежнему горячо волнует мое сердце. <...> Старое должно увядать, должно погибнуть, новое должно развиваться и крепнуть; старое должно уступить место новому, прогрессивное должно изгнать отсталое — это неизменная истина. <...> Перечитывая роман, я ощущаю душевный подъем, и моя вера в эту истину крепнет» [4, с. 477–478]. Именно потому что Ба Цзинь — писатель как никто понял идею романа Тургенева, так как бесспорно находился под его влиянием, противостояние отцов и детей стало ярко выраженной идеей во всей трилогии «Стремительное течение». Эта борьба в аллегорической форме проходит от начала до конца романа «Семья» как конфликт «старого» и «нового». Роман начинается так: «В это время налетел порыв ветра, и зонтик в его (Цзюэхуэя. — Л. В.) руке завертелся. Юноша сразу же умолк, крепко сжав рукоятку, однако это было почти бесполезно. К счастью, ветер тотчас пронесся дальше. На мостовой лежал не успевший растаять на лету снег, белый-белый, а на нем оставались старые и свежие следы, наслаиваясь друг на друга» [17, с. 3].

Однако в силу разной социальной подоплеку двух романов, ввиду национальных и системных различий и, наконец, объективной разности миров самих писателей отношения «отцов» с «детьми» и «старого» с «новым» часто кажутся несопоставимыми. Если говорить, что эпоха «отцов и детей» у Ба Цзиня в прямом смысле борьба отца и сыновей, связанных кровными узами, то у Тургенева этой оболочки нет и борьба поколений перешагивает границы одной семьи. Как отмечает исследователь Сунь Найсю, борьба «детей» Ба Цзиня куда труднее, чем борьба «детей» Тургенева, их бремя составляет не только феодальное общество, но и патриархальный семейный уклад. В старом Китае жизнь человека определяли три устоя и пять неизблемых правил. Если господин велел подданному умереть, подданный не мог ослушаться, если отец приказывал сыну умереть, то и сын ослушаться не мог. В семье, подобной клетке для арестованных, у отцов было исключительное право управлять и распоряжаться детьми, они по своей прихоти подавляли «детей», калечили их судьбы. Сами будучи законченными негодьями, они устанавливали жесткие правила и делали из «детей» «благородных мужей» в их собственном понимании, даже топтали их чувства и гасили пламя любви. В «Семье» Ба Цзиня «дети» и помыслить не могли о том, чтобы лицом к лицу противостоять «отцам», тем более что-либо обсуждать с ними, все было сказано и решено отцами, поэтому дети обычно либо терпеливо подчинялись (Цзюэсинь), либо умывались слезами (Шучжэнь, Ваньэр), упустили молодость и растрчивали жизнь. В романе «Осень» автор вкладывает в уста героев обвинение: «Это не борьба, это тирания». Вместе с тем, если «дети» хотели завоевать авторитет и закалить характер, им необходимо было вырваться

из-за семейной огады — либо покончить с собой в знак протеста, либо уйти из дома. Однако не может не радовать, что в поколении «детей» появился бесстрашный солдат, такой как Цзюэхуэй. Его борьбу В. В. Петров охарактеризовал как «пассивную самозащиту, еще не способную нанести удар по старым силам», но в обществе такого рода, в такой семье его уход уже сам по себе стал вызовом, брошенным «отцам», «первым шагом, сделанным молодежью к настоящей борьбе за свои права» [15]. Все поколение «детей» проложило путь, ведущий к свободе и справедливости.

У Тургенева же «дети» и «отцы» находятся на равных позициях, «дети» могут спорить с «отцами» и открыто противостоять им. Это и составило различие в стилистике двух романов. «Семья» — произведение трагическое и сентиментальное, но прозрение Цзюэхуэя в финале привносит в эту скорбь и тоску бодрость, веселую ноту. Особенно значимо то, что финалы романов «Отцы и дети» и «Семья» прямо противоположны. Первая половина тургеневских «Отцов и детей» исполнена мужественности и отваги. Однако в то время как полный пылких надежд Цзюэхуэй устремился в новую жизнь, Базаров Тургенева шел к гибели, бросив напоследок горькое обвинение, что, «очевидно, не нужен России», и в конце концов лег в одинокую могилу, поэтому конец романа омрачен тоской и сентиментален. Ближе к финалу романа «Семья» представитель поколения «отцов», старый хозяин Гао, наконец-то почил с миром, и стоящего у гроба деда внука посещают такие мысли: «Когда он внимательно глядел на сухое, длинное тело деда, ему в голову вдруг пришла странная мысль: перед ним лежал вовсе не дед его, а всего лишь кто-то воплощавший целое поколение. Он знал, что деды и внуки никогда не смогут понять друг друга, но странным казалось ему, что же все-таки скрыто в этом длинном, сухом теле, что делало их не дедом и внуком, а врагами. На душе его было скверно. Как будто множество вещей тяжелым грузом навалилось на его молодые плечи. Дрожа всем телом, он хотел выразить всему этому протест». В 33-й главе романа автор подчеркнул главную идею Тургенева: «Он верил, что так называемая борьба отцов и детей вот-вот завершится... победа неизбежна, ничьей силы не хватит отобрать ее у них» [18, с. 78].

В финале романа «Отцы и дети» перед поколением «отцов» и их наследниками открыты блестящие перспективы, и лишь единственный представитель «детей», солдат демократии Базаров, оказывается в одинокой могиле, где компанию ему составляют лишь дряхлые родители. Тургенев поднял «детей» на «отцов», то есть вдохновил непримиримую борьбу идеологии прогрессивной молодежи и консервативных аристократов, однако смертью представителя «детей», которым он сочувствовал, своим сатирическим пером поразил поколение «отцов» в его расцвете и угасании. Истоки подобного противоречия мы можем найти только в личном мировоззрении самого Тургенева. Тургенев был не революционером-демократом, а умеренным реформатором, отсюда и противоречивое, сочувствующее и вместе с тем критическое отношение к Базарову и другим представителям разночинной интеллигенции. Он не верил в революцию и не хотел видеть, как ее поднимало восставшее из низов «ничто». Глобальный нигилизм Базарова по отношению к обществу, искусству и любви не имел ни оснований, ни возможности к реализации, отведенная ему роль по большому счету сводилась к «расчистке места», а потому он мог лишь следовать образцу «нового человека», но не мог стать революционером, окончив свою миссию на «пороге» революции.

Критические и художественные заимствования Ба Цзиня из творчества Тургенева чаще всего сводятся к двум аспектам: во-первых, описание конфликта старшего и младшего поколений, во-вторых, любовь, либо в контексте революции, либо чистая, идеалистическая любовь молодых людей, пребывающих в своем чувственном мире, точнее говоря, образы главных героев и героинь в контексте любовных отношений. Всем известно, что Тургенев был мастером описания женских образов, «певцом чистой, идеальной женской любви» (по словам Н. А. Добролюбова). Женские персонажи в его романах хладнокровны, сдержанны, достойны и изящны, это прекрасный образ русской женщины, в которой превосходное образование сочетается с восточным колоритом. По сравнению с мужчинами они более рассудительны, более активны, более успешны. Они часто существуют ради идеальной любви, но в то же время их любовь часто является пробирным камнем для чувства мужчины и его нравственной воли. Имея об этом четкое представление, Ба Цзинь писал: «Раньше я любил читать романы Тургенева. Его героини всегда сильнее героев, они храбры и настойчивы, у героев же слова расходятся с делом, у них нет ни храбрости, ни решимости» [19]. Поэтому в собственных книгах он создал целую плеяду китайских «тургеньевских барышень» и структурно контрастных им «тургеньевских юношей».

Главная героиня повести «Сны моря» родилась в знатной семье и ступила на путь революции, что невольно напоминало Елену из «Накануне». Ли Пэйчжу (трилогия «Стремительное течение»), Цинь, Гао Шуин — все эти новые женщины в борьбе против феодализма, в стремлении к свободе и желании посвятить себя идеалам имели сходные черты с «тургеньевскими девушками». В то же время в герое повести «Туман» Чжоу Жущуе мы отчетливо видим тень Рудина, который не осмеливается любить дорогую ему девушку (Чжан Жолань), он, так же как Лаврецкий, не решается оставить нелюбимую жену и в конце концов, повиновавшись правилам традиционной морали, исполняет свой долг и возвращается к прежней, мертвой, кладбищенской жизни. Точно так же, столкнувшись с горячей привязанностью Мэй, своей прежней любви, и истинным чувством жены Жуйцзюэ, Цзюэсинь демонстрирует слабость и нерешительность.

Восхищение вызывает то, как женщины из произведений Ба Цзиня во имя борьбы за свободу и любовь готовы приложить в разы больше усилий и рвения, поскольку в романах Ба Цзиня события разворачиваются в феодальном конфуцианском обществе. Мужчины из поколения «детей» уже искалечены, разбиты и занимают невысокое место, а место женщины в феодальном конфуцианском обществе и вовсе в самом низу, их социальное положение намного ниже мужского, у них нет никакой свободы, нет ни малейшего права распоряжаться собственными чувствами и жизнью. Тургеньевские девушки получили гораздо лучшее образование и в любви имеют полную свободу, и хотя в вопросах замужества по-прежнему принимают участие родители, право решать свою судьбу почти всегда предоставляли девушке. Поэтому, поставив перед собой цель, они могут смело наносить удар, открыто изъяслять свои чувства, упрямство и непреклонность в погоне за любовью. Пылкие и самоотверженные, они не отказываются от своих намерений, даже если летят как мотыльки в огонь. Более того, они с радостью отбрасывают индивидуальность, создавая впечатление, что ищут своего единственного и любят как в старину, но мы не можем не видеть, что такая яркая, радужная любовь на самом деле

подобна переливчатому мыльному пузырю: при малейшем дуновении или колебании она сразу же лопнет. Тургеневские девушки в действительности не смогли бы пережить никаких любовных неудач, случись что-то не по ним, они немедленно отказывались от глубокой искренней любви, которую хранили до сего момента. Они даже не могут объясниться с возлюбленным, извиниться, даже не дают ему возможности раскаяться. Они либо решительно уходят (Лиза), либо загадочно исчезают и более не подают о себе никаких вестей (Ася), либо очень быстро находят новое место, чтобы прорастить свое чувство, выходят замуж за других, не брезгают даже вульгарными мещанами (Натаалья, Зинаида, Джемма), либо загадочно умирают (Клара, Вера), а после смерти не дают своим мужчинам покоя (Клара Милич). Бремя на плечах тургеневских мужчин гораздо тяжелее женского.

Сунь Найсю выделяет несколько категорий героев в творчестве Тургенева: одни крепкими узами нравственности связывают собственные чувства и желания (Н. Н., Лаврецкий), другие лишь руководствуются страстным импульсом, отступаются и выбирают неверный путь (Рудин, Аратов). Однако к какой бы категории герои ни относились, после любовной ошибки они всеми силами стараются ее исправить (Н. Н.), терзаются раскаянием до конца жизни (Н. Н., Рудин, Аратов), и вся их последующая жизнь проходит в ловушке одиночества, наполненной своего рода горестным мужеством: «Кто видел океан, тому вода не вода, и лишь облака над горою Ушань можно считать облаками», — то есть любовь к другой женщине для них теперь и не любовь вовсе, словно только этим они смогут наказать себя за совершенную ошибку, и всю свою одинокую жизнь возложить на алтарь первой любви. Н. Н., допустив ошибку с Асей, никак не мог утешиться, упрекая и обвиняя себя, и с тех пор не хотел более другой любви: «Я знавал других женщин — но чувство, возбужденное во мне Асей, то жгучее, нежное, глубокое чувство, уже не повторилось. Нет! Ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремленных на меня глаз, ни на чье сердце, припавшее к моей груди, не отвечало мое сердце таким радостным и сладким замиранием! Осужденный на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, как святыню, ее записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна. Он до сих пор издает слабый запах, а рука, мне давшая его, та рука, которую мне только раз пришлось прижать к губам моим, быть может, давно уже тлеет в могиле...». Санин («Вешние воды»), к старости оказавшись совершенно одиноким, по-прежнему питал к своей первой любви почти религиозное благоговение, берег ее. Такое отношение растрогало Тургенева, отчего тот и отправил его к первой возлюбленной за границу (в Америку), чтобы открыть «новый материк» любви. Постфактум Тургенев объяснял это нежеланием обрекать героя на трагическую судьбу, ведь в конце концов он оставался верен своей первой любви. Более того, когда Аратов («После смерти») осознает, что Клара умерла из-за него, его жизнь превращается в исполненные утрызений совести мучения на границе между жизнью и смертью. Рассказ завершается волнующей сценой бесконечной любви, когда разлученные в жизни возлюбленные воссоединяются после смерти. В связи с этим у нас есть основание считать, что в царстве эмоций тургеневские юноши были сильнее женщин и более способны вызвать симпатию и сочувствие. Они гораздо преданнее и бескорыстнее женщин, они искренни, до гробовой доски соблюдают свой беззвучный обет любви или ценой собственной жизни компенсируют «ошибку», которую совершили вовсе не они.

Отличие героинь Ба Цзиня от тургеневских девушек в том, что как только они определяют, кому вверят свои чувства, то храбро преодолевают «порог» из тысячи невзгод и лишений, не изменяя намерений, дорожа своими чувствами до самой смерти. Если любовь не сложилась, то они предпочтут умереть, чем позволят старому господину Гао уничтожить их живые чувства конфуцианским этикетом и обречь их на погребение заживо. Вместе с тем в произведениях Ба Цзиня мы видим другой тип женщин, отличных от тургеневских девушек: сестрица Мэй, расставшись с Цзюэсином, продолжает тайно любить его, чужого мужа, даже став женой другого мужчины, пока не умерла от тоски. А для тургеневской Лизы («Дворянское гнездо») в вопросах любви есть только один вариант: если не получить всего, то лучше не получить ничего. Кроме того, поскольку произведения Ба Цзиня неизменно воплощают маскулинно-центристское сознание, по сравнению с тургеневскими юношами героев-мужчин Ба Цзиня сдерживает не столько семейный уклад феодально-патриархального строя, сколько собственная слабость, они часто позволяют женщинам, которые испытывают к ним чувства, страдают и погибают, становятся ради них, мужчин, виноватыми, а иногда и стать для них отрезвляющим лекарством. Пусть даже их возлюбленные (Минфэн, Мэй, Жуйцзюэ) умерли ради любви, это повлекло за собой всего лишь умеренную скорбь и сочувствие героев-мужчин. Отсюда два варианта развития событий: во-первых, ради продолжения семьи и ответственности перед ней мужчинам остается лишь забыть о чувствах любившей их женщины и заниматься своей семьей, которая нужна только для продолжения рода, и посвящать себя новым чувствам (Цзюэсинь). Во-вторых, смерть женщины (Минфэн) помогает мужчине начать новую жизнь (Цзюэхуэй), и фактически женщина оказывается нужна лишь для того, чтобы придать ему силы и показать отправную точку, чтобы порвать со старой семьей и ступить на бунтовской путь. Как утверждает исследователь Ли Лин, мужчины у Ба Цзиня в большинстве своем считают, что «бросить» — «это всего лишь слабость, а не злодеяние» [20].

Ба Цзинь перевел всего лишь два романа Тургенева, но как романист использовал сходную модель создания образов героев (пусть даже частично) в собственном творчестве. Ба Цзинь и его супруга Сяо Шань перевели множество произведений Тургенева малых и средних форм, но их черновики осталось мало. Несмотря на отсутствие документальных подтверждений, использование тургеневских художественных приемов в собственном творчестве подтверждает это.

Как исследователь, Ба Цзинь сфокусировал внимание на Тургеневе-романисте, гораздо меньше времени посвятив его рассказам и повестям. Надо сказать, что ограничения были продиктованы самой эпохой. В то время люди были больше озабочены развитием воспитательной функции литературы, а ее эстетическая функция считалась, как правило, «мелкобуржуазной лирикой». Из Тургенева-художника «выжимали» Тургенева-мыслителя, усиливая значимость его общественной мысли. А многочисленные повести и рассказы, которые представляют собой пик творческих достижений Тургенева, долгое время оставляли без внимания. Уделяя Ба Цзинь столько же сил изучению повестей и рассказов Тургенева, он не стал бы, по нашему мнению, так категорично судить о тургеневских юношах. Более того, в любовных делах героини романов Тургенева не всегда сильнее героев-мужчин. Напротив, они пока не в состоянии преодолеть присущую им слабость, обычно нерешительны, безвольны, и на заре их чувства кажется, что не имеют ясной цели,

им недостает уверенности в себе, зрелости ума, что и проявляется в их слабости в вопросах любви. Тургеневские девушки всегда хотят найти настоящего мужчину-лидера, который направит их к цели, обычно несколько раз уходят и возвращаются, а затем прямо наступают на мужчину со своей любовью, без устали спрашивая любимого: «Скажи мне, что я должна делать?», «Что мне делать?», «У меня уже выросли крылья, но я не знаю, куда мне лететь... скажи мне...». На самом деле в той грязи, в те смутные, мрачные годы эти выдающиеся героини-мужчины сами отчаянно искали берег мечты, но точно так же не знали, куда держать путь, то есть не знали, куда лететь, и героини со своими настойчивыми вопросами могли с тем же успехом спрашивать дорогу у слепого. Трагедия разыгралась потому, что Н. Н. не сказал Асе трех необходимых ей слов, и она без колебаний уехала. Клара влюбилась в Аратова с первого взгляда, но из-за того, что герой ей не ответил, отравилась. Если у Ба Цзиня ранняя гибель любви происходит по вине старых конфуцианских правил, то в любовных трагедиях Тургенева концентрируются его собственные взгляды на любовь — фатализм и разочарование.

Ба Цзинь описал так много историй любви, что даже американский исследователь Лео Ли сделал вывод: «Ба Цзинь похож на Тургенева, главная тема их романов — любовь, а не политика» [21, с. 273]. Другие были еще более точны, заявив, что в трилогии Ба Цзиня «Стремительное течение» «от начала до конца можно найти только любовь» [21, с. 273]. Сам же Ба Цзинь, однако, полагал, что «от начала и до конца в этой книге не написано ни слова о любви», зато сказано об «убеждениях» и «силе убеждений». Однако произведения Ба Цзиня, по словам бостонского исследователя Натана К. Мао, — это «политическое заявление читателю» [22, с. 139–148]. Сам Ба Цзинь в примечании так отозвался о тургеневских описаниях любви: «Говорят, Тургенев использовал любовь, чтобы одурачить бдительный глаз российских цензоров, поэтому шесть его романов, написанных один за другим, по сию пору ошибочно принимают за любовные романы. Возможно, я подвергся его влиянию... Я тоже на примере любви рассматриваю характер человека» [23, с. 438]. Очевидно, что Ба Цзинь писал о любви, чтобы она служила раскрытию характера героя, что абсолютно тождественно мотивации Тургенева, считавшего, что «любовь — это пробирный камень, чтобы проверить жизнеспособность и силу воли героя» [15]. Ба Цзинь полагал, что «наиболее четко характерные черты классического персонажа проявляются не в каждодневном труде, не в его речи, а в личной жизни, особенно в делах любви» [23, с. 438]. Именно поэтому Ба Цзинь одну за другой писал истории любви, в то же время описывая типичный характер типичных персонажей в условиях радикальных исторических перемен и связывая их с революцией, создал новую эмоциональную концепцию «революция плюс любовь». Интересно, что Натан К. Мао, высказавший сомнение в том, что написанное Ба Цзинем является историями любви, утверждал, что в произведениях Ба Цзиня есть только любовь, но нет желания, полагая, что «еще не изученная магия секса» — это серьезный недостаток в творчестве Ба Цзиня [22, с. 139–148].

Подобным образом критиковали и истории любви Тургенева. Так, Мережковский сказал, что Тургенев — мастер описания чувств, но совершенно не умеет описывать желание. Брюсов даже отнес описание чистой «любви» без «желания» в русской литературе с Пушкиным и Тургеневым во главе к недостаткам русской культуры. Более того, В. В. Стасов прямо обратился к Тургеневу с вопросом: «Вы

так много писали о любви, но почему мы не видим у Вас описания плотского?» Тургенев ответил уклончиво: «У каждого свой собственный способ письма, спросите об этом Пушкина!» Из этого ответа очевидно, что в описании любви Тургенев продолжал традиции Пушкина. В этой литературной цепочке несколько звеньев: Ба Цзинь за разъяснениями перенаправляет к Тургеневу, Тургенев — к Пушкину, история поражает сходством, однако отражает и факт передачи литературной эстафеты и естественного сближения национальных литератур. В романе в стихах «Евгений Онегин» Пушкин достаточно внимания уделил мечтам о любви Татьяны, исчерпывающе описал тесную близость между молодыми людьми, однако развивать тему не стал, переключившись на другие вещи и не продолжая более описаний обнаженной сексуальности, которая, как иные полагают, должна была быть. В «Вешних водах», в эпизоде с любовным свиданием Санина и Полозовой в караулке, писатель-натуралист бы оставил детальный отчет о плотской, чувственной составляющей события, однако Тургенев лишь мельком упомянул о случившемся, не давая прямого описания сцены. Как отмечает Сунь Найсю: «Хотя у женщин Ба Цзиня и есть новые представления о любви и нравственности, но нет такой же сексуальной раскрепощенности, стремления к плотским удовольствиям, даже распушенности, как у женщин Мао Дуня. У женщин Ба Цзиня нежный, утонченный, замкнутый, очевидно, восточный нрав, а также некоторые черты тургеневских девушек, то есть они воплощают в себе появившиеся в ту эпоху новые взгляды на мораль, любовь, а также совершенное единство психологических качеств женщины древней нации и очарование культурного воспитания» [16]. Тургенев продолжил дело Пушкина, а Ба Цзинь продолжил дело Тургенева, они описывают не плотское желание, а платоническую, духовную любовь. Оба писателя достигли интертекстуальной симметричности, поэтому любовь в их описании всегда «здоровая» и «чистая», подобна прозрачной осенней воде, очищает душу.

Немало критиков, таких как российские исследователи В. В. Петров, Е. А. Серебряков, китайские исследователи Сунь Найсю и другие, оценивая психологические описания в романах Ба Цзиня, единодушно утверждают, что он унаследовал тургеневский принцип «тайного психологизма». Неудивительно, что, похвально отзываясь о поэтизации Тургеневым психологических описаний, Ба Цзинь подчеркивал, что сам много лет невольно находился под его влиянием. Действительно, психологические процессы героев Ба Цзиня показаны не одними стараниями автора, зачастую они выражены при помощи внешних действий персонажей и поведения, наполненного психологизмом, вкуче или на контрасте с деталями пейзажа. Однако у нас есть основание предполагать, что в психологических описаниях Ба Цзинь действительно много заимствовал у Тургенева, хотя нельзя игнорировать, что Ба Цзинь — писатель, выросший в китайской культуре. Он с детства был подвержен влиянию китайской литературы и искусства, которые незаметно преобразуют дух и душу, а персонажи китайского театра способны исчерпывающе передать определенное психологическое состояние, используя взгляд, жест, мимику, позы и движения. Именно благодаря такого рода внешним проявлениям происходит развитие сюжета и передается психологическое состояние героев. Кроме того, разноцветные маски персонажей, сцена и реквизит сами по себе — узнаваемые маркеры настроения персонажей. Ба Цзинь с детства был влюблен в китайский театр, долгое время находился под его влиянием, а потому научился скрытыми приемами описы-

вать психологические детали так, чтобы это выглядело логически обоснованным. Что касается использования пейзажа при описании душевного состояния героев, то пионером и образцом такого описания в литературе были танские стихи «ши» и сунские стихи «цы». И все-таки в нежности и сдержанном спокойствии природы в описании Ба Цзиня просматривается скрытая, изящная красота повествования Тургенева, и вместе с тем оно лучится тургеневской «очаровательной меланхолией», отчего кроткий нрав и внутренние противоречия героев заметно акцентированы и контраст становится еще более очевиден.

Действительно, что касается размышлений о жизни или выборе сюжета, об использовании разнообразных художественных приемов, то в творчестве обоих писателей наблюдается определенное сходство. Ба Цзинь и Тургенев не смогли подробно осветить множество других тем. Однако можно с уверенностью утверждать, что Ба Цзинь с помощью бездонной сокровищницы китайской культуры описал много образов классической восточной женщины, показал пейзаж, звучащий единой мелодией для всей китайской нации. Как Тургенев, являясь продолжателем традиций русской литературы, представленной Пушкиным и Гоголем, усвоил уроки западной литературы и вместе с тем сумел сохранить собственную творческую индивидуальность, так и Ба Цзинь, будучи «китайским Тургеневым», имел собственные культурно-психологические установки и, ратуя за восточную культуру, одобрял и западную, что и создало его неповторимую индивидуальность как писателя, слитую в единое целое из множества влияний, и конечно, она никак не могла сложиться без художественного и идейного влияния Тургенева.

Литература

1. *Ба Цзинь. О творчестве Тургенева в Китае* // И. С. Тургенев (1818–1883–1958): статьи и материалы. Орел: Орловское книж. изд-во, 1960. С. 388–398.
2. 巴金. 关于《火》创作回忆录. 人民文学出版社, 1982 (*Ба Цзинь. О «Пламени»* // Мемуары создателя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ, 1982. 118 с.). (На кит. яз.)
3. 巴金文集. 人民文学出版社, 1986 (*Ба Цзинь. Собрание сочинений*. Пекин: Жэньминь вэньсюэ, 1986. 468 с.). (На кит. яз.)
4. 巴金序跋集. 花城出版社, 1982 (*Ба Цзинь. Сборник предисловий и послесловий*. Гуанчжоу: Хуачэн, 1982. 543 с.). (На кит. яз.)
5. 巴金对俄国现实主义的译介 // 中国翻译文学史. 孟昭毅、李载道编. 北京大学出版社. 2005 (Переводы русского реализма Ба Цзиня // История литературного перевода в Китае / ред. Мэн Чжаоюй, Ли Цзайдао. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2005. 645 с.). (На кит. яз.)
6. 查明建. 中国 20 世纪外国文学翻译史. 湖北教育出版社, 2017 (*Ча Минцзянь. История китайского перевода зарубежной литературы в XX веке*. Ухань: Хубэй цзяююй, 2017. 1713 с.). (На кит. яз.)
7. 王贵友. 巴金文学翻译初探 // 新世纪的阐释——巴金国际学术研讨会论文集. 福建教育出版社. 2002年. 256页 (*Ван Гуйюй. Начальные исследования переводов Ба Цзиня // Ба Цзинь: интерпретация нового века: сборник Междунар. симпозиума исследователей Ба Цзиня*. Фучжоу: Фуцзянь цзяююй, 2002. С. 248–265). (На кит. яз.)
8. 屠格涅夫中短篇小说选。巴金、肖珊译. 人民文学出版社, 1983 (Рассказы и повести И. С. Тургенева / пер. Ба Цзинь, Сю Шань. Пекин: Жэньминь вэньсюэ, 1983. 10 с.). (На кит. яз.)
9. Интерпретация и художественный анализ шедевров русской литературы (проза) / под ред. Ван Лие. Пекин: Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2015. 108 с.
10. 郑业. 用文学和真话涤荡心灵垃圾. 人民网. 2003. № 12 (*Чжэн Е. Очищение души литературой и истиной // Жэньминьван*. 2003. № 12). (На кит. яз.)
11. 高莽. 巴金与俄罗斯文学情结 // 中华读书报. 26.11.2003 (*Гао Ман. Ба Цзинь и любовь к русской литературе // Чжунхуа душу бао*. 26.11.2003). (На кит. яз.)

12. 巴金. 写作生活的回顾 // 巴金短篇小说集. 第一集. 开明书店. 1936年 (*Ба Цзинь*. Ретроспектива творческой жизни // *Ба Цзинь*. Сборник рассказов. Сб. 1. Пекин: Каймин шудянь, 1936. 346 с.). (На кит. яз.)
13. Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Искусство. Время. М.: Советская Россия, 1988. 186 с.
14. 巴金. 〈蒲宁与巴布林〉译后记 // 巴金序跋集. 2002年 (*Ба Цзинь*. Послесловие к рассказу Тургенева «Пунин и Бабулин» // *Ба Цзинь*. Сборник предисловий и послесловий. Гуанчжоу: Хуачэн, 1982. 543 с.). (На кит. яз.)
15. Петров В. В. Творчество Ба Цзиня и его роман «Семья» // *Ба Цзинь*. Семья: пер. с кит. М.: Гослитиздат, 1956. С. 3–10.
16. 孙乃修. 屠格涅夫与中国 // 学林出版社, 1988 (*Сунь Найсю*. Тургенев и Китай. Шанхай: Сюэлинь, 1988. 447 с.). (На кит. яз.)
17. 巴金. 家. 四川人民出版社, 1982 (*Ба Цзинь*. Семья. Чэнду: Сычуань жэньминь, 1982. 483 с.). (На кит. яз.)
18. 巴金. 家. 上海文艺出版社 1984 (中国新文学大系 (1927–1937). Т.9 (*Ба Цзинь*. Семья. Шанхай: Шанхай вэньи, 1984. 923 с. (Энциклопедия новой китайской литературы (1927–1937). Т.9). (На кит. яз.)
19. 巴金. 在门槛上—回忆录之一 // 水性. 第2卷3期. 1935年6月10日版。 (*Ба Цзинь*. На пороге — одно из воспоминаний // Шуйсин. 10.06.1935). (На кит. яз.)
20. 李玲. 巴金前期小说中的男性中心意识 // 巴金 新世纪的阐释. 福建教育出版社, 2002 (*Ли Лин*. Маскулинное сознание в ранних романах Ба Цзиня // *Ба Цзинь*: интерпретация нового века. Фучжоу: Фуцзянь цзяюй, 2002. 637 с.). (На кит. яз.)
21. *Lee Ou-fan Leo*. The Romantic Generation of Chinese Writers. Cambridge: Harvard university press, 1973. 273 p.
22. Желоховцев А. Н. Ба Цзинь: писатель-патриот // Проблемы Дальнего Востока. 1983. № 4. С. 139–148.
23. 巴金文集. 第3卷. 人民文学出版社, 1958 (*Ба Цзинь*. Собрание сочинений. Пекин: Жэньминь вэньсюэ, 1958. Т.3. 466 с.). (На кит. яз.)

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2018 г.,
рекомендована к печати 6 декабря 2018 г.

Контактная информация:

Ван Лиэ — д-р филол. наук, проф.; cyzhv@inbox.ru

Ba Jin and Turgenev: Conceptual Response and Artistic Parallels*

Wang Liye

Beijing Foreign Studies University,
2 North Xisanhuan Road, Beijing, PRC, 100089

For citation: Wang Liye. Ba Jin and Turgenev: Conceptual Response and Artistic Parallels. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2019, vol. 11, issue 1, pp. 4–27. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.101> (In Russian)

The literary ties between Ba Jin and Turgenev steadily attract the attention of researchers both in China and abroad. This article is an attempt to conduct a new, more in-depth study and analysis of these ties, as well as to study Ba Jin's research and explorations of Turgenev's works,

* Translation from Chinese N.A.Somkina (St. Petersburg State University). This article is an intermediate result of the Chinese research project in the field of social sciences “Study of the artistic value of the works of I.S. Turgenev” (No. 18BWW039, researcher Wang Liye).

to give scientifically based criticism of his translations of Turgenev, and to identify artistic parallels to Turgenev in his own works. The article presents the results of the activities of Ba Jin as a scholar, including his achievements in Turgenev academic events in Russia, Ba Jin's assessment of the social and artistic significance of Turgenev's works, as well as the state of contemporary Chinese Turgenev studies. The author has made a stylistic analysis of a number of passages from Ba Jin's translations, as well as comparative analysis with the works of other translators. Finally, the author presents a comparative analysis of female and male images of Ba Jin and Turgenev in the context of national cultures and the social and political situation in China and Russia, respectively. The author concludes that artistic borrowing, consisting mainly in highlighting social antagonisms through the description of the "fathers and sons" conflict and the love experience of the characters, was due to a certain similarity of origin and social status of both writers, as well as their civic stance and concern about the fate of their homeland. In addition, the author debunks the image of the "Turgenev girl" as an example of strong will and inflexibility, and opposes them, on the one hand, the image of the "Turgenev boy", which is distinguished by high moral attitudes, on the other — the image of the "Bajinean girl", who has always been placed in much worse conditions. The analysis performed allows us to conclude that Ba Jin's creative individuality could not have taken shape without the artistic and ideological influence of Turgenev.

Keywords: Ba Jin, Turgenev, literary ties.

References

1. Ba Jin. O tvorcestve Turgeneva v Kitae [On Turgenev's works in China]. *I. S. Turgenev (1818–1883–1958). Stat'i i materialy [I. S. Turgenev (1818–1883–1958). Articles and Contributions]*. Orel, Orlovskoe knizhnoe Publ., 1960, pp. 388–398. (In Russian)
2. Ba Jin. Guanyu "Huo" [On "The Flame"]. *Chuangzuo huiyilu [Memoirs of Creator]*. Pekin, Renmin wenxue Publ., 1982. 118 p. (In Chinese)
3. *Ba Jin wenji [Ba Jin's Anthology]*. Pekin: Renmin wenxue Publ., 1986. 468 p. (In Chinese)
4. *Ba Jin xuba ji [Anthology of Forewords and Afterwords of Ba Jin]*. Guangzhou, Huacheng Publ., 1982. 543 p. (In Chinese)
5. Ba Jin dui Eguo xianshi zhuyi de yijia [Ba Jin's Translation of Russian Literary Realism Works]. *Zhongguo fanyi wenxue shi [History of Translated Literature in China]*. Ed. Meng Zhaoyi, Li Zaidao. Beijing, Peking University Publ., 2005. 645 p. (In Chinese)
6. Cha Mingjian. *Zhongguo ershi shiji waiguo wenxue fanyi shi [History of XX Century Foreign Literature Translation in China]*. Wuhan, Hubei jiaoyu Publ., 2017. 1713 p. (In Chinese)
7. Wang Guiyou. Ba Jin wenxue fanyi chutan [Initial Inquiry into Ba Jin's Translations]. *Ba Jin guoji xueshu yantaohui wenji [Materials for Ba Jin International Academic Conference]*. Fuzhou, Fujian jiaoyu Publ., 2002, pp. 248–265. (In Chinese)
8. *Tugeniefu zhongduanpian xiaoshuo xuan [Turgenev I. Short Novels]*. Transl. by Ba Jin, Xiao Shan. Beijing: Renmin wenxue Publ., 1983. 10 p. (In Chinese)
9. *Interpretatsiia i khudozhestvennyi analiz shedevrov russkoi literatury (Proza) [Interpretation and Analysis of Russian Literary Masterpieces (Prose)]*. Ed. Wang Liye. Beijing, Waiyu jiaoyu yanjiu Publ., 2015. 108 p. (In Russian)
10. Zheng Ye. Yong wenxue he zhenhua didang xinling laji [Purification of the Soul through Literature and Truth]. *Renmingwang*, 2003, no. 12. (In Chinese)
11. Gao Mang. Ba Jin yu Eluosi wenxue qingjie [Ba Jin and his Love for Russian Literature]. *Zhonghua dushu bao*. 2003.11.26. (In Chinese)
12. Ba Jin. Xiezuo shenghuo de huigu [Looking Back at Creative Life]. *Bajin duanpian xiaoshuo ji [Ba Jin's Short Novels]*. Vol. 1. Pekin, Kaiming shudian Publ., 1936. 346 p. (In Chinese)
13. Turgenev I. S. *Zhizn'. Iskusstvo. Vremia [Life. Art. Time]*. Moscow, Sovetskaia Rossiia, 1988. 186 p. (In Russian)

14. Ba Jin. “Puning yu Babulin” yi hou ji [Afterwords to “Punin and Baburin”]. *Ba Jin xuba ji* [Anthology of Forewords and Afterwords of Ba Jin]. Guangzhou, Huacheng Publ., 1982. 543 p. (In Chinese)
15. Petrov V. V. Tvorchestvo Ba Tszinia i ego roman «Sem'ia» [Ba Jin's Works and his Novel “The Family”]. Ba Jin. *Sem'ia* [The Family]. Moscow, Gosudarstvennoe literaturnoe Publ., 1956, pp. 3–10. (In Russian)
16. Sun Naixiu. *Tugeniefu yu Zhongguo* [Turgenev and China]. Shanghai: Xuelin Publ., 1988. 447 p. (In Chinese)
17. Ba Jin. *Jia* [Family]. Sichuan, Sichuan renmin Publ., 1982. 483 p. (In Chinese)
18. Ba Jin. *Jia* [Family]. Shanghai, Shanghai wenyi Publ., 1984. 923 p. (Zhongguo xin wenxue daxi [Compendium of New Literature of China] (1927–1937), vol. 9). (In Chinese)
19. Ba Jin. Zai menkan shang — huiyilu zhiyi [Ot the Threshold — One of the Recollections]. *Shuixing* [Waters]. 10.06.1935. (In Chinese)
20. Li Ling. Ba Jin qianqi xiaoshuo zhong de nanxing zhongxin yishi [Man-centered Consciousness in Early Works of Ba Jin]. *Ba Jin: Xin shiji de chanshi* [Ba Jin: Interpretation of the new century]. Fuzhou: Fujian jiaoyu chubanshe Publ., 2002. 637 p. (In Chinese)
21. Lee Ou-fan Leo. The Romantic Generation of Chinese Writers. Cambridge, Harvard University Press, 1993. 273 p.
22. Zhelokhovtsev A. N. Ba Tszin': pisatel'-patriot [Ba Jin: Patriot Writer]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Issues of the Far East], 1983, no. 4, pp. 139–148. (In Russian)
23. *Ba Jin wenji* [Anthology of Ba Jin]. Pekin, Renmin wenxue Publ., 1958, vol. 3. 466 p. (In Chinese)

Received: September 7, 2018
 Accepted: Desember 6, 2018

Author's information:

Wang Liye — PhD in Philology, Professor; cyzhv@inbox.ru